

(1)Было мне тогда всего девять лет от роду. (2)Как-то раз в лесу, среди глубокой тишины, ясно и отчётливо почудился мне крик: «Волк бежит!» (3)Я вскрикнул и вне себя от испуга выбежал на поляну, прямо на пашущего землю мужика.

(4)Это был Марей – наш крепостной лет пятидесяти, плотный, довольно рослый, с сильною проседью в тёмно-русой бороде. (5)Я немного знал его, но до того почти никогда не случилось мне заговорить с ним. (6)Я в детстве мало общался с крепостными: эти чужие, с грубыми лицами и узловатыми руками мужики казались мне опасными, разбойными людьми. (7)Марей остановил кобылёнку, слышав мой напуганный голос, и когда я, разбежавшись, уцепился одной рукой за его соху, а другою за его рукав, то он разглядел мой испуг.

– (8)Волк бежит! – прокричал я, задыхаясь.

(9)Он вскинул голову и невольно огляделся кругом, на мгновение почти мне поверив.

– (10)Что ты, какой волк, померещилось: вишь! (11)Какому тут волку быть! – бормотал он, ободряя меня. (12)Но я весь трясся и ещё крепче уцепился за его зипун и, должно быть, был очень бледен. (13)Он смотрел с беспокойною улыбкою, видимо боясь и тревожась за меня.

– (14)Ишь ведь испужался, ай-ай! – качал он головой. – (15)Полно, родной. (16)Ишь, малец, ай!

(17)Он протянул руку и вдруг погладил меня по щеке.

– (18)Полно же, ну, Христос с тобой, октись.

(19)Но я не крестился: углы моих губ вздрагивали, и, кажется, это особенно его поразило. (20)И тогда Марей протянул свой толстый, с чёрным ногтем, запачканный в земле палец и тихонько дотронулся до вспрыгивающих моих губ.

– (21)Ишь ведь, – улыбнулся он мне какою-то материнскою и длинною улыбкой, – господи, да что это, ишь ведь, ай, ай!

(22)Я понял наконец, что волка нет и что мне крик про волка померещился.

– (23)Ну, я пойду, – сказал я, вопросительно и робко смотря на него.

– (24)Ну и ступай, а я те вослед посмотрю. (25)Уж я тебя волку не дам! – прибавил он, всё так же матерински мне улыбаясь. –

(26)Ну, Христос с тобой, – и он перекрестил меня рукой и сам перекрестился.

(27)Пока я шёл, Марей всё стоял со своей кобылёнкой и смотрел мне вслед, каждый раз кивая головой, когда я оглядывался.

(28)И даже когда я был далеко и уже не мог разглядеть его лица, чувствовал, что он всё точно так же ласково улыбается.

(29)Всё это разом мне припомнилось сейчас, двадцать лет спустя, здесь, на каторге в Сибири... (30)Эта нежная материнская улыбка крепостного мужика, его неожиданное сочувствие, покачивания головой. (31)Конечно, всякий бы ободрил ребёнка, но в той уединённой встрече случилось как бы что-то совсем другое. (32)И только бог, может быть, видел сверху, каким глубоким и просвещённым человеческим чувством было наполнено сердце грубого, зверски нежественного человека и какая тонкая нежность таилась в нём.

(33)И вот когда здесь, на каторге, я сошёл с нар и огляделся кругом, я вдруг почувствовал, что могу смотреть на этих несчастных каторжников совсем другим взглядом и что вдруг исчезли всякий страх и всякая ненависть

в сердце моём. (34)Я пошёл, вглядываясь в встречавшиеся лица. (35)Этот обритый и шельмованный мужик, с клеймами на лице, хмельной, орущий свою рьяную сиплую песню, может быть, такой же Марей. (36)Ведь я же не могу заглянуть в его сердце.

(по Ф. М. Достоевскому*)

*Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881 г.) – русский писатель, мыслитель.

Источник текста: МИОО: Диагностическая работа № 4 по русскому языку 23.10.2013 вариант РУ10103.

Среди предложений 29–36 найдите сложное, в состав которого входит односоставное определённо-личное предложение. Напишите номер этого сложного предложения.